

СООТНОШЕНИЕ НЕЗАКЛЮЧЕННОГО И НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ДОГОВОРОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ

Евгений ТРУБАКОВ,

аспирант кафедры гражданского права

Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

The article investigates the correlation of uncontracted (nonexistent) and void contract. Disclosed the basic criteria of distinguishing those categories. Substantiated that nonexistent and void contracts have different legal structure. Particular attention is drawn to the analysis of the consequences of a void contract. Analyzed the E. Betti's theory of nonexistent legal structures. Also disclosed the main features of uncontracted contract in comparison with void contract.

Key words: uncontracted (nonexistent) contract, void contract, structure of jurally fact, defective jurally fact, legal consequences.

Аннотация

В статье рассматривается соотношение незаключенного (несостоявшегося) и недействительного договоров. Раскрываются основные критерии разграничения указанных категорий. Определено, что незаключенный и недействительный договора имеют различную правовую природу. Особое внимание уделено правовым последствиям недействительного договора. Проанализирована теория Э. Бетти о несуществующих правовых конструкциях. Также определены основные признаки незаключенного договора в сравнении с недействительным договором.

Ключевые слова: незаключенный (несостоявшийся) договор, недействительный договор, структура юридического факта, дефектный юридический факт, юридические последствия.

Постановка проблемы. Как указывает российский цивилист Д. Тузов, который на протяжении длительного времени занимается изучением европейской правовой доктрины, «правовая фигура» незаключенного договора была создана во Франции в 19 веке. Объективным основанием для этого стала необходимость «обхода» специфического принципа *de nullis sine textu*, который переводился как «нет ничтожности без текста» (то есть без непосредственного указания об этом в тексте закона). Практическая проблема заключалась в том, что французское законодательство не содержало прямого запрета на заключение однополых браков (не устанавливалась ничтожность такого рода сделок), что было нонсенсом для французского общества в 19 веке. С целью лишения такого рода сделок юридической силы французские юристы обратились к правовой конструкции «несуществующего» брака, которая брала свое начало в каноническом праве. Указанная правовая модель заключалась в том, что существовала разница между *matrimonium nullum* (ничтожный брак) и *matrimonium non existence* (несуществующий брак), а ее содержание было следующим: при отсутствии необходимого для существования брака элемента, а именно брачного союза между мужчиной и женщиной, даже невоз-

можно было говорить о браке как таковом. В дальнейшем, как указывает автор, доктрина *non existence* «вышла за рамки своей первичной сферы и стала все более экспансивно распространяться на сферу договоров в целом, принимая вид одной из форм договорной патологии» [1, с. 33–34].

Несмотря на то, что концепция несостоявшегося договора сформировалась еще в 19 веке, современная украинская правовая доктрина не имеет устоявшихся правовых позиций по этому вопросу. Во-первых, это объясняется отсутствием необходимого нормативного регламентирования, во-вторых, в силу того, что в советской юридической литературе указанная правовая конструкция воспринималась как проблема доктрины, а не практики, с уклоном на терминологическую составляющую, а не содержательную.

В современной судебной практике сформировалась тенденция к увеличению удельного веса исков, в которых требования обосновываются именно незаключенностью (несостоятельностью) договора. Еще большую актуальность вопрос несостоявшегося договора приобрел после принятия Пленумами Верховного и Высшего хозяйственного судов Украины Постановлений «О судебной практике рассмотрения гражданских дел о признании сделок недействительными» от 06.11.2009

№ 9 и «О некоторых вопросах признания сделок (хозяйственных договоров) недействительными» от 29.05.2013 № 11 соответственно. Устанавливая основные принципы практики применения указанной правовой конструкции, судам при рассмотрении соответствующих дел рекомендовано «правильно определять момент совершения сделки», а также учитывать то, что «не может быть признана недействительной сделка, которая не совершена (договор, который не заключен)» (см. п. 8 и п. 2.6 указанных Постановлений Пленумов ВСУ и ВХСУ) [2; 3]. Таким образом, на сегодняшний день конструкция несостоявшегося договора в украинском гражданском праве существует не только как гражданско-правовая концепция, но и как признанная судебной практикой.

Актуальность исследования заключается в том, что незаключенный договор, как и недействительный, обуславливает отсутствие первичных, определенных сторонами, юридических последствий. Сходство юридических последствий создает конкуренцию указанных правовых конструкций при выборе надлежащего способа защиты. Вместе с тем анализ действующего процессуального законодательства позволяет прийти к выводу, что суд лишен права выходить за пределы исковых требований, а выбор ненадлежащего способа

защиты является основанием для отказа в удовлетворении иска. Так, например, Высший хозяйственный суд Украины в п. 4.3 Постановления Пленума «О некоторых вопросах практики применения Хозяйственного процессуального кодекса Украины судами первой инстанции» от 26.12.2011 № 18 отметил, что суд, придя к выводу о том, что предмет иска не соответствует установленным законом или договором способам защиты прав, должен отказать в удовлетворении иска [4].

Цель статьи заключается в исследовании новых доктринальных подходов к вопросу разграничения несостоявшегося и недействительного договоров, анализе возможности их применения.

Отметим, что исторически вопрос о незаключенности договора рассматривался в контексте его сосуществования с решением вопроса о целесообразности существования несостоявшегося договора как самостоятельного правового явления. Те или иные аспекты этого вопроса были предметом исследования ученых дореволюционного периода К. Анненкова, М. Дювернуа, Д. Мейера, Г. Шершеневича; в советской литературе исследования в области разграничения указанных категорий имели место в работах С. Алексеева, М. Агаркова, Д. Генкина, В. Исакова, О. Красавчиковым, И. Новицкого, Н. Рабинович, В. Рясенцева, В. Шахматова; в современной юридической литературе отметим работы А. Савина, И. Степановой, В. Кияшко, Д. Тузова и других.

Изложение основного материала. Из анализа современной юридической литературы можно прийти к выводу о сформированности тенденции к пониманию несостоявшегося договора как правовой конструкции, основаниями для квалификации которой являются недостатки состава договора как юридического факта. Так, В. Кияшко отсутствие определенного законом состав договора (как юридического факта) относит к основаниям для квалификации договора незаключенным [5, с. 7]. Похожую позицию занимает А. Савин: вместо использования термина «состав договора (сделки)» автор пишет об «отсутствии всех конститутивных элементов договора вследствие или преждевременного прерывания форми-

рования его как юридического факта, или пропуска в наборе необходимых элементов» [6, с. 61]. Об отсутствии конститутивных элементов писал и французский ученый Р. Саватье: «От недействительных следует прежде всего отличать несостоявшиеся договоры, то есть такие, в которых полностью отсутствует один из основных конститутивных элементов, например, договоренность сторон. Отсутствие договора не требует в таких случаях какого-либо подтверждения. Однако в связи с таким договором могли быть совершены определенные действия, а внешние обстоятельства таковы, что потерпевший должен обратиться в суд для признания договора несостоявшимся» [7, с. 279]. В то же время высказываются мнения и в поддержку включения незаключенного договора к классу недействительных сделок. Так, например, О. Гутников писал, что «несостоявшиеся сделки как юридические факты – это лишь разновидность недействительных сделок, особенностью которых является лишь то, что основания их недействительности находятся в недостатках юридического состава, касающиеся внешней стороны действия. Если же под соглашением понимать правоотношения, то выражение «несостоявшаяся сделка» является синонимом выражения «недействительная сделка» [8, с. 105].

Однако согласиться или опровергнуть вышеуказанные правовые позиции можно, лишь ответив на вопрос о том, в какой мере дефектность (в широком понимании этого термина) состава договора влияет на его правовую природу. Ведь в вышеуказанных Постановлениях Пленумов Верховного суда Украины и Высшего хозяйственного суда Украины указывается на то, что незаключенный договор имеет иную, нежели заключенный, правовую природу, именно поэтому к нему не могут быть применены правила о недействительности.

Если предположить, что договор с дефектами его состава (как юридического факта, сделки) все же не является юридическим фактом, то следует согласиться с мнением В. Кияшко и А. Савина о различной правовой природе несостоявшегося и недействительного договоров и тезисом Н. Рабинович о том, что несостоявшаяся сделка никогда не существовала, а потому правовой

силы лишена быть не может [9, с. 21]. Таким образом, констатируется пребывание несостоявшегося договора вне правового регулирования. То есть действия, формирующие внешние признаки незаключенного договора, не имеют значения для права. При другом решении поставленного вопроса приемлемой является указанная позиция О. Гутникова.

Шаткость суждений о правовой природе исследуемых правовых явлений метко отмечены Р. Саватье, который писал, что «признание (сделки незаключенной) весьма близко к признанию абсолютно недействительной» [7, с. 279].

По нашему мнению, решение поставленной проблемы возможно с помощью правового инструментария, предложенного итальянским ученым Э. Бетти. Основным постулатом концепции указанного автора является отход от формального подхода при квалификации юридических фактов, который сводится к оценке наличия всех необходимых реквизитов, предусмотренных законом для определенного фактического состава, и переходе к оценке соответствия фактического состава сделки самому понятию сделки (договора). При этом оценка соответствия состава сделки ее понятию не зависит от валидности (действительности) такой сделки [1, с. 37–38].

Применяя указанные положения к договорам, в первую очередь, решается вопрос о соответствии фактического состава понятию гражданско-правового договора, то есть имеет ли место соблюдение всех необходимых конститутивных элементов договора при его формировании именно как юридического факта. Если договор удовлетворяет требования закона к его понятию, то есть констатируется материальное существование (потенциальная способность обуславливать наступление, изменение или прекращение юридических последствий), то на второй стадии происходит его оценка на предмет выполнения законодательно установленных требований относительно его действительности (валидности).

При таком подходе недействительный договор всегда материально существует для права («ничтожество составляет предикат соглашения» [1, с. 38]), а, следовательно, способен приводить к

юридическим последствиям, хотя и отличным от первоначально определенных его сторонами, а незаключенный договор, напротив, не приводит к какому-либо юридическим последствиям.

Подвергая критике положения указанной теории, Д. Тузов пишет, что «главное положение состоит в том, что недействительность является предусмотренным нормой правовым следствием, наступающим при отсутствии, или, наоборот, наличии некоторых фактических предпосылок, то есть выражением санкции или, во всяком случае, диспозиции нормы. На самом же деле недействительность не является выражением ни того, ни другого. Будучи простым ненаступлением результата, преследуемого лицом, совершающим сделку, она не имеет ничего общего с санкцией правовой нормы. Не может рассматриваться она и в качестве элемента диспозиции, ибо не содержит в себе никакого правила поведения. «Эффект» ничтожности – это автоматическое «последствие», не имеющее значения предписания. Таким образом, если диспозиция предусматривает субъективные права и обязанности, то положение о недействительности устанавливают лишь критерии правовой оценки действия. Итак, недействительность – это не правовое последствие, а негативное качество, препятствующее акту выполнять абстрактную гипотезу нормы и, следовательно, ввести в действие диспозицию, произведя тем самым правовые последствия в собственном смысле». В конце автор резюмирует, что «так рушится самый главный и внешне наиболее убедительный довод сторонников анализируемой теории» [1, с. 40–41].

Высказанная указанным автором позиция требует детального анализа. С Д. Тузовым действительно можно согласиться относительно того, что недействительность не является санкцией за нарушение нормы. По этому поводу уместно вспомнить О. Лейста, который, рассматривая проблему соотношения правонарушения с иными отклонениями от предписаний норм права, писал, что в тех случаях, когда правовая норма устанавливает определенный порядок, но не содержит запрета отступить от него, не может быть и речи о правонарушении и о «санкции»; за несоблюдение нормы и следовали

любые неблагоприятные последствия [10, с. 56].

Действительно, ГК Украины не содержит прямого запрета относительно несоблюдения условий действительности сделки, однако нарушение указанных норм приводит к другим «неблагоприятным последствиям», о которых писал О. Лейст, в форме отсутствия у образованной таким образом юридической конструкции способности приводить к возникновению, изменению или прекращению правовых последствий, то есть недействительности.

Однако, по нашему мнению, критика недействительности как диспозиции нормы является необоснованной. Принцип свободы договора определен в п. 3 ч. 1 ст. 3 ГК Украины в качестве одного из общих принципов гражданского законодательства. Именно на этом принципе основывается субъективное гражданское право на вступление в договорные отношения и свободное определение условий договора (ч. 1 ст. 627 ГК Украины). Но, как указано в ч. 1 ст. 13 ГК Украины, гражданские права лицо осуществляет в пределах, предоставленных ему договором или актами гражданского законодательства. Нормы, устанавливающие требования, соблюдение которых необходимо для действительности сделки, регламентируют отношения, которые имеют место между сторонами договора при его заключении и выполнении, устанавливая правовые ориентиры, которые должны быть соблюдены, если стороны желают достичь правового результата.

В. Грибанов писал, что «если содержание субъективного гражданского права может быть охарактеризовано как общий тип возможного поведения уполномоченного лица, санкционированного объективным правом, то содержание процесса его реализации сводится к совершению уполномоченным лицом реальных, конкретных действий, в которых находят свое выражение как воля самого уполномоченного лица, так и специфические особенности конкретного случая» [11, с. 45]. Из указанного следует, что несоблюдение требований о действительности сделки является своего рода выходом за пределы осуществления субъективного права на заключение договора, а недействительность является той правовой границей, которая лимитирует (ограни-

чивает) указанное субъективное право.

Считаем, что содержание нормы, с диспозиции которой следует недействительность сделки, заключается в следующем: в случае несоблюдения требований, необходимых для действительности сделки, первоначальное (определенное сторонами договора) обязательство изменяется, и возникает совокупность других, связанных с недействительностью правовых отношений, в частности обязательство по взаимному возвращению полученного имущества или компенсации его стоимости, если такое возвращение невозможно (реституция) (согласно ч. 1 ст. 216 ГК Украины), возмещение убытков и морального вреда (ч. 2 ст. 216 ГК Украины). При этом следует заметить, что по своему содержанию категория «изменение правоотношения» предполагает, во-первых, прекращение первоначального правоотношения, а, во-вторых, возникновение нового.

Таким образом, недействительность, как нам представляется, является диспозицией статьи, предусматривающей правовое регламентирование гражданско-правового договора, условия которого выходят за пределы субъективного права на свободное определение условий договора.

При этом согласиться с высказанным Д. Тузовым тезисом о том, что недействительность является «отрицательным качеством», которое препятствует акту выполнять абстрактную гипотезу нормы, также нельзя. Согласно ч. 1 ст. 202 ГК Украины сделкой является действие лица. Таким образом, предполагая верность тезиса Д. Тузова, «отрицательным качеством» должно обладать само действие, то есть заключение договора, передача имущества и тому подобное. Одновременно одни и те же действия в условиях различного правового регулирования могут приводить как к возникновению действительного обязательства, так и недействительного: так, например, приобретение юридическим лицом-нерезидентом земель сельскохозяйственного назначения на основании гражданско-правового договора будет иметь последствием недействительность такого договора в силу того, что это противоречит действующему земельному законодательству, однако при отсутствии такого запрета сделка была бы действительной.

Из этого следует, что само действие не может обладать каким-либо «отрицательным качеством», приводящим к недействительности. Считаем, что недействительность может быть установлена лишь на основании диспозиции нормы, которую в системе образуют правила о требованиях, необходимых для действительности сделки вместе с правилами ст. 215 ГК Украины, устанавливающие основания для недействительности сделки.

Из положений теории Э. Бетти следует, что незаключенный договор – это «еще не договор», не юридический факт в силу того, что состав его элементов не отвечает понятию договора как юридического факта. Отсутствие способности обуславливать наступление, изменение или прекращение правоотношений объясняется тем, что внешне похожие на договор действия сторон не являются релевантными для права. Основаниями для квалификации договора незаключенным является оценка его фактического состава на предмет соответствия определению договора в широком смысле, включая нормы, устанавливающие процедуру его заключения и момент возникновения (заключения).

Недействительный договор, напротив, является юридическим фактом и характеризуется «потенциальной способностью» создавать, изменять или прекращать юридические правоотношения. Ненаступление первичных правовых последствий в недействительных договорах обусловлено прямым действием нормы закона.

В связи с тем, что законом реституция определяется правовым последствием исключительно недействительного договора, ее положения не могут быть применены к несостоявшемуся договору (в том числе и положения о «конфискационных санкциях» за нарушение общественного порядка).

При одновременном наличии оснований для квалификации договора незаключенным и недействительным, преимущественному применению подлежат нормы о незаключенности последнего, ведь только заключенный договор может быть предметом проверки на валидность (действительность).

Как правильно отмечал В. Исаков, который писал, что «несостоятельность и недействительность факта близки по

юридическому значению, однако не тождественны, в связи с тем, что для наступления их правовых последствий может быть предусмотрен различный процедурно-процессуальный порядок. Законодательство допускает в известных случаях возможность исправления недействительных фактических предпосылок и придания им юридической силы» [12, с. 120]. Незаключенный договор, в отличие от недействительного, не может быть восстановлен в юридической силе. Валидация по своему содержанию сводится при наступлении известных обстоятельств к отмене требования закона о «блокировке» юридических последствий, которые устанавливаются нормами права о недействительности договора.

В п. 2.4 Постановления Пленума Высшего хозяйственного суда Украины «О некоторых вопросах признания сделок (хозяйственных договоров) недействительными» от 29.05.2013 № 11 указано, что стороны также не лишены права совершить сделку о внесении изменений в сделку с целью приведения ее в соответствие с законом (кроме изменения цены в договоре после его выполнения) [3]. По аналогии указанные положения не могут быть применены в отношении несостоявшегося договора, ведь нельзя внести изменения в то, что не имеет значения для права.

Обобщая полученные результаты, можно прийти к выводу о том, что правовые конструкции несостоявшегося и недействительного договоров, несмотря на сходство юридических последствий, характеризуются разной правовой природой и существуют «изолированно» друг от друга. Такая «изолированность» объясняется тем, что недействительные договоры, войдя в правовую плоскость, не создают первоначально определенных сторонами правовых последствий, однако одновременно являются основаниями для возникновения других правовых последствий, а именно возмещения убытков и морального вреда, а также применения реституции в случае передачи имущества. Недействительность возникает из диспозиции нормы, которую в системе образуют нормы о требованиях, необходимых для действительности сделки, и правила о ст. 215 ГК Украины, которые определяют основания недействительности сделки. Ука-

занная норма регламентирует правовые последствия, возникающие при выходе за пределы субъективного права на свободное определение условий договора. Незаключенный (несостоявшийся) договор – это «еще не договор». Нарушение правил, регламентирующих порядок заключения договора, а также норм о моменте заключения (возникновения) договора производят к тому, что произведенные действия сторон вообще не имеют значения (не релевантны) для права. Именно поэтому незаключенным договор не является основанием для взыскания убытков и/или морального вреда, а на имущество, переданное по такому «договору», распространяются правила об обогащении без соответствующего правового основания. К незаключенному договору (по аналогии с недействительным), не могут быть применены правовые механизмы валидации (обновления юридической силы), в том числе путем внесения изменений в сделку с целью приведения его в соответствие с законом. Как действие не может быть значимым и не значимым для права, так и договор не может быть незаключенным и недействительным одновременно. Поэтому в случае конкуренции оснований для признания договора недействительным и квалификации незаключенным, преимущество имеют последние, ведь соответствующий правовой режим непосредственно зависит от того, являются ли действия, совершенные с целью установления соответствующих обязательственных правоотношений, значимыми для права.

Список использованной литературы:

1. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок. Опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. – М. : Статут, 2007 – 313 с.
2. Постановление Пленума Верховного суда Украины «О судебной практике рассмотрения гражданских дел о признании сделок недействительными» от 06.11.2009 № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/v0009700-09>.
3. Постановление Пленума Высшего хозяйственного суда Украины

«О некоторых вопросах признания сделок (хозяйственных договоров) действительными» от 29.05.2013 № 11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/v0011600-13>.

4. Постановления Пленума «О некоторых вопросах практики применения Хозяйственного процессуального кодекса Украины судами первой инстанции» от 26.12.2011 № 18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/v0018600-11>.

5. Кияшко В.А. Теоретические проблемы и последствия несостоявшихся сделок / В.А. Кияшко. – Краснодар, 2005. – 177 с.

6. Савин А.А. Последствия договоров, считающихся незаключенными по российскому гражданскому праву : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2010. – 144 с.

7. Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк / Р. Саватье. – М. : «Прогресс», 1972. – 438 с.

8. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания / О.В. Гутников. – М. : Бератор-Пресс, 2003. – 576 с.

9. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. – 171 с.

10. Лейст О.Э. Санкции в советском праве О.Э. Лейст. – М. : Госюриздат, 1962. – 238 с.

11. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2-е, стереотип / В.П. Грибанов. – М. : Статут, 2001. – 411 с.

12. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. – М. : Юридическая литература, 1984. – 144 с.

13. Гражданский кодекс Украины (с изменениями и дополнениями) от 16.01.2003 № 435-IV // Голос Украины, 2003. – № 47-48.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КОНФЛИКТ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

Григорий УСАТЫЙ,

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник,
докторант кафедры уголовного права и криминологии
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

The article analyzes the key categories of criminal law, at the same time as the main objects for comparison are asked to select two adjacent categories – crime and criminal legal conflict. The author, citing the relevant arguments, finds that despite the obvious similarities and interconnectedness can not be identified penal conflicts and crime.

Key words: criminal law conflict, criminal offense, crime, criminal offense.

Аннотация

В статье проводится анализ ключевых уголовно-правовых категорий, при этом в качестве основных объектов для сравнения предлагается выбрать две смежные категории – преступления и уголовно-правового конфликта. Автор, приводя соответствующие аргументы, приходит к выводу о том, что, несмотря на очевидное сходство и взаимосвязанность, нельзя отождествлять уголовно-правовые конфликты и преступления.

Ключевые слова: уголовно-правовой конфликт, уголовное правонарушение, преступление, уголовный проступок.

Постановка проблемы. Изучение уголовно-правовых конфликтов вряд ли можно признать полным без использования сравнительного метода исследования, который, по нашему мнению, позволит выделить наиболее характерные черты (отличительные и схожие) именно того явления, которое выступает предметом анализа в статье.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы – в настоящее время практически нет ни одной фундаментальной работы по соотношению уголовно-правового конфликта и преступления.

Научный анализ проблем, которые прямо или косвенно связаны с предметом исследования статьи, осуществлялся многими отечественными и зарубежными учёными, среди них: Х.Д. Аликперов, П.П. Андрушко, Ю.В. Баулин, Л.В. Головкин, А.А. Дудоров, В.Т. Дзюба, И., М.И. Коржанский, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, О.М. Литвак, Н.И. Мельник, В.Н. Смитенко, Н.С. Таганцев, П.В. Хряпинский, Н.И. Хавронюк, С.Д. Шапченко, В.И. Шакун и другие.

Целью статьи является исследование двух смежных категорий – преступления и уголовно-правового конфликта, поиск соответствующих аргумен-

тов, их сходства (взаимосвязанности) и основных отличительных черт.

Изложение основного материала. В качестве объектов для сравнения предлагается выбрать две смежные категории – преступления и уголовно-правового конфликта. При этом за основу возьмем гипотезу о том, что, несмотря на очевидное сходство и взаимосвязанность, нельзя отождествлять уголовно-правовые конфликты и преступления. Таким образом, не все преступления являются уголовно-правовыми конфликтами, но любой уголовно-правовой конфликт является преступлением. При этом важным является тот факт, что противоречия, возникающие в сфере уголовно-правовых отношений, не всегда являются уголовно-правовым конфликтом.

Но подобного рода утверждения кажутся обоснованными только при условии признания уголовно-правового конфликта практической формой воплощения преступления в реальной жизни, то есть только как внешнего проявления преступного поведения.

Например, приговором суда первой инстанции ЛИЦО_1 осуждено за то, что оно, занимая должность главного специалиста Киевской городской государственной администрации, будучи должностным лицом, занимающим